

О СОВРЕМЕННОМ СОСТОЯНИИ НОВОГО НЕМЕЦКОГО ПРАВОПИСАНИЯ

© 2005 Н. Морген

1 августа 2005 года – дата официального вступления в силу в школах большинства федеральных земель ФРГ, Австрии, Швейцарии и других немецкоязычных стран новой немецкой орфографии. Однако все чаще можно услышать, что реформа нового правописания, введенная в 1998 году, не удалась.

В определениях современного состояния новой немецкой орфографии доминируют отрицательные оценки, типа “реформа правописания – это как болячка”, “насильственное регулирование правописания”, “орфографический обман”, “Германия не уедет дальше, если будет писать “Schiffahrt” с тремя “f” и т. п. Отрицательная реакция на новую реформу правописания появилась сразу же после опубликованного 1 июля 1996 г. решения о проведении реформы и издании орфографических словарей, справочников, книг, других информационных носителей в новой орфографии. В актуальных новостях в прессе и интернете от 17 июля 2005 сообщалось, что федеральные земли Бавария и Баден-Вюртемберг не будут вводить принятую новую немецкую реформу правописания в наступающем 2005 учебном году. “Совет по немецкому правописанию, в который входят представители различных учреждений Германии, Австрии и Швейцарии, в т. ч. редакция Дудена, Общества немецкого языка, издательств газет и журналов, союза журналистов, школьных книжных издательств, настаивает на возвращении к старым правилам правописания: в будущем слитно должно писаться снова все то, что образует единицу смысла. Это касается образований глагола с частицами, прилагательными и именами существительными, типа *auseinander setzen*, которые снова должны писаться слитно: *auseinandersetzen*, как и *kennenlernen*, *heiligsprechen*, *fertigmachen*, *leidtun*, *eislaufen*, а до 1 августа 2006 года экспертам предстоит отшлифовать реформу таким образом, чтобы она нравилась и ее критикам. И в этот день новые правила станут обязательными во всех областях, в которых государство имеет голос и прежде всего в школах и органах власти” [41].

Известный противник реформы правописания Фридрих Денк отреагировал на запланированную корректуру нового немецкого правописания

таким высказыванием: “Это значит, что орфография 1996 г. должна создаваться по-новому, что напечатанный прошлым летом Дуден станет непригодным и от большой реформы правописания останется лишь двойное *ss*. Печально, что такой эксперимент был предложен миру и что экспериментируют на самом важном культурном достоянии нации. Миллионы учеников пребывают в растерянности по поводу появляющихся новых правил. Обучение учеников реформированному написанию противоречит конституции” [41].

Издательства Аксель Шпрингер и Шпигель, которые охватывают около 60 % читателей, возвращаются к старому правописанию и обращаются к другим издательствам и телеграфным агентствам присоединиться к ним. 7 лет практического испытания реформы в печатных средствах массовой информации и в школах показали, что ни для профессионалов ни для учеников новые правила правописания не принесли ни обещанного облегчения, ни упрощения. Напротив, неуверенность из-за смешения старого и нового правописания растет, а кто до реформы писал правильно, делает сегодня ошибки. Преподаватели в высшей степени не уверены в правильности или, наоборот, уверены в неправильности нововведенных правил правописания [41].

В интервью для передачи “Сегодня” второго канала телевидения ФРГ Штойбер заявил: “По всей видимости, мы отзовем часть этой реформы правописания. Реформа имеет огромные недостатки” [41].

Многочисленные опросы подтверждают, что большинство населения от реформы отказывается, так как люди считают, что реформа правописания оказывается скорее регрессом. Большинство немецкоязычных писателей отказалось издавать свои произведения в новом написании, т.к. открывается большая пропасть между написанным ранее и написанным по новым правилам, а множество дополнений повлияли бы на орфографические конвенции так сильно, что потерялось бы единство немецкого правописания.

За исключением Баварии и Баден-Вюртемберга, большинство федеральных земель придерживается обязательного вступления в

силу реформы правописания с 1 августа 2005 г. только из-за того, что начиная с 1998 г. уже более 12,5 млн. учеников изучали новое немецкое правописание по регулирующему механизму 1996 г. с его дополнениями от июня 2004 г. Спикер конференции министров по делам образования и религии (КМК) объявил, что “внедрение реформы правописания с 1 августа 2005 не обязательно, так как решение не является законом, оно находится в ведении федеральных земель, которые сами обязуются их осуществлять. Спорные вопросы должны быть разъяснены Советом по немецкому правописанию до 1 августа 2006” (Die Beschlüsse der Kultusministerkonferenz sind keine Gesetze, sondern Beschlüsse, bei denen sich die Länder selbst verpflichten, sie umzusetzen. Die Streitfälle sollen vom Rat für deutsche Rechtschreibung bis zum 1. August 2006 geklärt werden) [41].

С лингвистической точки зрения нынешняя реформа немецкого правописания является неприемлемой, с политически-экономической точки зрения – слишком расточительной, с национальной точки зрения ничего не дающей и опустошительной, а с международной точки зрения она приносит больше вреда, чем пользы.

В чем причина такого состояния дел с реформой немецкого правописания?

Современная немецкая реформа орфографии была обреченная на неудачу, так как она несостоятельна лингвистически и пошла вразрез с тенденциям развития немецкого языка и языковой интуицией языковой общности.

Кроме многочисленных написаний *ss*, которые составляют 90% всех изменений, нет почти ничего нового в “новом” немецком правописании. Возникает вопрос: стоили ли того затраты на реформу? Написание *ss* составляет лишь 0,05% написаний слов текста, а ошибки из-за сложности и запутанности старого правописания составляли 30 – 50%. Вместо того, чтобы облегчить правописание в тех частях, где допускается наибольшее количество ошибок, новое правописание занялось изменением написания таких слов, как *Quantchen, behände, Ständdirnr* Fngidär, Bonboniere, Nessessär* и т. д., которые не встречаются в текстах школьных учебников; или словом *Zierat*, которое пишут немногие взрослые и которое не нуждается в “облегчении” с позиций народной этимологии – *Zierrat*. Известные трудные случаи написания *Branntwein, brillant, Gebaren, Griefß, todkrank, verwandt, weismachen, widerspiegeln*, а также различие *das – daß (dass)* реформой не затронуты.

После вступления в силу новой орфографии вдруг не только ученики, но и миллионы взрослых стали вынуждены писать грамматически ошибочные и абсурдные слова: *Gämse, behände, Stängel, schnäuzen* и др. *Gemse* имеет отношение к *Gams*, но не является производным от него. Реформаторам не пришло в голову изменить правописание *Henne* на *Hänne* ‘курица’ с *ä*, несмотря на то, что данное слово является производным от ‘петух’ *Hahn*. Так почему же это коснулось ‘серны’ *Gam* – и *Gemse*, и теперь необходимо писать *Gämse* вместо привычного *Gemse*? *Behende*, действительно, является производным от *Hand*, но эта связь содержательно едва просматривается. Несколько лет тому назад реформатор правописания Вольфганг Ментруп иронизировал по поводу запланированных, но невозможных для осуществления орфографических изменений такого типа в работе “В чем собственно ошибка?” [49, 78]. На примере *mit behenden Schritten* он обосновал, что формальные связи между основой и производным в современном языке не становятся более очевидными, напротив, еще больше затемняются, так как сегодня умлаут имеется во множественном числе от *Hand*, в то время как *behende* содержит указание на дательный падеж единственного числа.

Однако авторы нового немецкого правописания пошли сейчас по такому ошибочному пути. Приведем примеры предложенного нового правописания и аргументы неприемлемости такого решения, которое становится узаконенным с 1 августа 2005 года. Кто задумывается сегодня при написании *Stengel* о том, что ‘стебель’ *Stengel* однажды был маленькой ‘жердью’ *Stange* и этимологически связан с ней? Наоборот, невозможно сегодня больше обозначать *eine kleine Stange* просто словом *Stengel* ‘стебель’, т.к. это не соответствует смыслу. И кто думает о ‘морде’ *Schnauze*, когда чистит ‘нос’ (!)? Реформаторы, правда, объясняют: “Краткий [e] *ä* пишется вместо *e*, если имеется основная форма с *a*” (§ 13; § 16 для *äu/eu*), но они не говорят, что понимается под “основной формой”. Такое толкование нельзя признать серьезным, потому что не известно, куда ведет правописание, предписывающее пользователям в письменной коммуникации учитывать какие-то формы с *a*, имеющие какие-то связи с производным словом, а связи между словами существуют почти всюду. Если распахнуть эти ворота только один раз, то *Schenke* надо будет писать выборочно то с *ä*, то с *e*, так как оно может быть производным не только от *schenken*, но и от *Schank*. *Einwenden* связано с *Einwan*,

merken с *Marke*, *setzen* с *Satz*, *schwenken* с *schwanken*, *hell* с *hallen*, *Keule* с *Kaulquappe*. Почему тогда не писать *Stämpel* вместо *Stempel*, который однозначно связан с *stampfen*, как и *Spengler* с *Spange*? А вот *täuschen* реформаторы объявили в § 17 исключением за неимением родственной формы с *au*, что является, однако, неправильным, т.к. она имеется в *tauschen*. Уже в 1989 г. вносилось предложение писать *Krebs* с *p* (*Kreps*), так как не учли, что имеется *Krabbe*. При *schupsen* хотели устранить “побочную форму” *schubsen* (а это – основная форма), уже не говоря о *schieben* и *Schuh*.

Если новая реформа предписывает писать *Greuel* и *greulich* с *äu*, так как эти слова отдаленно связаны с *Graue*, то в результате образуется совершенно ненужное совпадение *greulich* (*gräulich* в новом правописании) ‘ужасно’ с прилагательным, обозначающий цвет *gräulich* ‘сероватый’.

Такие часто употребительные слова, как *Eltern* (хотя они являются собственно *die Älteren*), *Geschlecht* (несмотря на *schlagen*), *fertig* (несмотря на *Fahrt*), *Mensch* (несмотря на *Mann*) и т.д. реформаторы не тронули, так как это означало бы быстрый конец предполагаемой ими реформы. А вот как нужно будет писать ‘серна’ – *Gemse* или *Gämse*, большинство людей особенно не волнует, ибо они никогда не пишут это слово и читают о нем редко. Саркастично описал новое правописание Вольфганга Бреннайзена, обыграв нововведение *Gämse* вместо *Gemse*: “Первая реакция серн: В кругах серн реакция противоречива. Одни с удовлетворением констатируют, что серна как одно из немногих животных пробудила внимание Комиссии по правописанию, другие недовольны новым написанием *Gämse*, так как оно слишком напоминает о *Gamsbart* (‘борода’), а каждое напоминание о *Gamsbart* – это печальное доказательство того, что горная антилопа была убита рукой человека и лишена самого лучшего, что у нее было” [16].

Примеры, а их можно приводить бесчисленное множество, показывают, что путь этимологизации для реформирования правописания современного немецкого языка является ложным.

Несмотря на количественно незначительные изменения правописания, впервые с начала столетия должны были быть перепечатаны все орфографические справочники, словари и учебники, что наносит значительный ущерб международному статусу немецкого языка.

Положительное в новых текстах – это частичная замена *ß* на *ss*. *ß*, или “острый *s*”, имел

до сих пор две функции: обозначение глухого [s] после долгих гласных звуков и дифтонгов: *reißen* в противоположность звонкому [z] в *reisen* и обозначение *ss* на границе слогов или перед другим согласным звуком: *hassen*, но *Haß*, *haßt*.

С одной стороны, *ß* делает отчетливой внутреннюю границу составляющих его слов в сложных словах *Messergebnis*, *Mißstand* читается легче, чем *Missstand*, что является приятным дополнительным комфортом. С другой стороны, можно было бы обойтись и без буквы *ß*, как это делают уже десятилетия швейцарцы, тем более что оно затрудняет международную письменную коммуникацию посредством e-mail.

По новому правописанию *s* служит только для обозначения долготы гласного, а краткость гласного звука обозначается удвоением следующего согласного: *hassen*.

Отрадно, что после краткого ударного гласного пишется двойной согласный, однако нововведение омрачается 12 группами исключений (§§ 4 и 5). И, кроме того, в написании *s* никогда не существовало затруднений за единственным исключением: в различии написания *das* и *daß*, на которое приходилось около 6% всех орфографических ошибок, так как различие в их написании кроется в грамматической функции: артикль или местоимение, с одной стороны, и союз, с другой. Удивительно, что именно эта трудность разделения функций в новом правописании как раз и сохраняется, а проблема выбора *das* или *dass* остается.

Новую реформу правописания, которая обещала быть “щадящей”, нельзя считать таковой. Щадящей была скорее прежняя практика Дудена. Дуден приспособлялся от издания к изданию словаря к новым явлениям в практике немецкого языка и отражал ее в словарях (по другому он и не мог, ибо потерял бы свои “привилегии” перед языковой общностью), поэтому никогда не было большой необходимости приобретать самое новое издание Дудена.

Реформа обещала принести желаемое облегчение письма, а что получилось?

Правила нового правописания стали не только обширнее, чем действовавший до сих пор регулирующий механизм Дудена, но и превосходят по сложности все до сих пор существовавшие, т.к. содержат бесчисленные исключения и исключения из исключений.

Например, такое правило: “Сочетания прилагательного и глагола пишутся раздельно. Исключение: если прилагательное не имеет степе-

ни сравнения или имеет расширенную конструкцию, то слова пишутся вместе. Исключение из исключения: прилагательные на *-ig*, *-lieh* или *-isch* пишутся раздельно. Исключение из исключения исключения: *richtiggehend* пишется слитно. Общее исключение: с глаголом *sein* написание всегда раздельно". (Невероятная сложность!)

Варианты и свобода выбора для пишущего вводятся настолько произвольно, что учащийся не может определить, где он имеет выбор, а где нет. Пример: до сих пор писалось *zugrunde*, *zuliebe* и т.д. Реформа предусматривает, что *zugrunde* можно писать и *zu Grunde*, однако *zuliebe* ни в коем случае *zu Liebe*, *zutage* или *zu Tage*, но только: *zugute*, а не *zu Gute*. И так во многих других случаях. Число правил и исключений сильно увеличилось.

Новая реформа правописания предлагает правила написания с большой или маленькой буквы только в 14 параграфах (по сравнению с 24 в Дудене 1991 г.), но зато они занимают 17 с половиной страниц листа формата А4, что говорит о больших трудностях, почти невозможности овладения правилами написания существительных с большой или маленькой буквы [33, 87], следовательно, и учебная нагрузка увеличивается.

Устранение многих сотен слов насильственным путем через раздельное написание Петер Эйзенберг, член межгосударственной Комиссии по немецкому правописанию, квалифицировал следующим образом: "В истории немецкого языка не было подобного разрушительного наступления на языковую систему".

"Группа экспертов" – авторов реформы – проигнорировала складывавшуюся столетиями в языковой общности мотивацию в пользу того или иного написания и вводит свои изобретения. Например, реформа объявляет правильным слитное написание имен прилагательных на *-ig*, *-lieh* и *-isch* с глаголами или причастиями, но оставляет раздельное написание только для *fertig stellen* (но *bereitstellen*), *heilig sprechen* (но *freisprechet*), *Kapital flüssig machen* (но *Geld lockermachen*).

Ради чего это делается? Видимо, чтобы осуществить десятилетиями провозглашаемую цель реформаторов – "противодействовать" увеличению слитного написания [Bericht der Kommission vom Januar 1998, S. 42] и побудить писать по-новому: *sich mit etwas auseinandersetzen*, *so genannt* и т.д. Слитное написание никак не является изобретением Дудена, оно ис-

ходит из интуиции самих пишущих. То, что науке до сих пор не удалось перевести эту интуицию в плоскость дефиниций, не должно являться основанием для государства и его экспертов "противодействовать" закрепленному практикой волеизъявлению языковой общности. Та же реакционная тенденция налицо и в других областях регулирующего механизма правописания, например, *zu eigen machen*, с отчетливой тенденцией к слитному написанию *zueigen*, которое когда-то было допущено, а теперь реформа требует архаичного написания *zu Eigen machen* с именем существительным, которое словари давно снабжают пометкой "veraltet, gehoben".

Упрек в уничтожении слов относится в первую очередь к устранению сложных слов, типа *aufsehererregend*, *tiefschürfend*, *sogeannt*, *Handvoll* и т.д., смысл которых вытекает не из отдельных составляющих их компонентов, на которые новая реформа их разделяет, а из общего, и разложение такого сложного слова ведет к искажению смысла, как в написании *feind* (*SEIN*), *leid* (*tun*) *Feind* и *Leid* с большой буквы. Какое воздействие имеет такая практика на словари, можно показать на примере нового поколения двуязычных словарей: если изучающий немецкий язык иностранец ищет в универсальном словаре Langenscheidt слово 'так называемый' *sogeannt*, которое встречается в бесчисленных немецких текстах, то там он его больше не найдет. Станет ли он искать его под *so*, где он не найдет равнозначное понятие, является более чем спорным. Новые словари не могут теперь выполнять их первостепенной функции: добросовестно фиксировать существующую в языке лексику. В этом усматривается большой культурно-политический урон для немецкого языка за границей. Сообщение о реформе немецкого правописания вызвало во многих странах, особенно с ограниченными финансовыми средствами, ужас по поводу необходимости приобретения новых книг и переучивания на еще более сложное. Японский германист Наойи Кимура пишет: "Никто ничего теперь не знает о правильном немецком правописании, что может иметь разрушительные последствия для преподавания немецкого языка за границей".

Устранение написания двух гласных ведет к неразличению между 'курьерами' и 'лодкам' *Boten* и *Booten*. Контекст, мол, не допустит никаких сбоев. Это технические недоразумения, которые устраняются в процессе чтения, но остается вопрос об исторически сложившейся культуре письма!

Если в сложном слове встречаются три одинаковых буквы, то теперь они должны все воспроизводиться: *Sauerstoffflasche*, *Bettuch*, *am helllichten Tage* и т.д., чтобы устранить полиграфически мотивированную нелогичность, а результат, правда, не так хорош, но он принимается как факт. Тогда спрашивается, почему нельзя теперь писать *e* в *geschrien* и т. п. словах, где в самом деле слышится второй звук *e* (§ 19), если в *Bettuch* пишется не слышимый третий *t*. (Второй *t* в *Bettuch* также не слышим, но вполне обоснован как сигнал краткого, открытого произношения предшествующего гласного звука: щедрость в одном случае, педантичность – в другом!). Впрочем, “для лучшего различения” рекомендуется использовать дефис: *See-Elefant*, *Bett-Tuch*, *Schiffahrt*, а также, вследствие упразднения *ss*, *Nass-Schnee*. Трудности при наличии трех одних и тех же букв значительно возрастают. Так зачем же создавать себе тяжелую жизнь, чтобы искать из нее выход?

Rau должно теперь писаться без *h*, так как *blau* и *schlau* пишутся без *h*, и *Känguru* также без *h*, так как *Gnu* и *Kakadu* не имеют *h*. Это что за веские причины? Имеются и другие необычные комбинации букв, о приравнивании которых, тем не менее, реформаторы не задумались, например, *Vlies*. *H* в *rauh* оправдан исторически, из-за связи с *Rauchwaren*, *Rauchwerk* (= *Pelzwerk* – кто не знает сказку Гримма “*Allerleirauh*”). В алеманском языковом ареале так еще и говорят, скорняки знают прилагательное *rauch*, а вот *rau* является обычным словом и не должно специально переделываться.

Абсурдно установленное написание некоторых слов, которые в действительности не являются родственными: *Quentchen* не от *Quantum*, *belemmert* не от *Lamm*, *verbleuen* не от *blau*, *Tolpatsch* не от *toll*. Нет причин изменять написание этих слов и должен ли словесник сознательно учить ошибочному написанию только потому, что так напечатано в словарях? Разумеется, авторы реформы не преднамеренно обучают ошибкам, однако следует указать на соответствующие параграфы регулирующего механизма нового правописания, где есть ошибки: так, § 16 не дает никаких указаний на то, что *blau* в действительности не является основной формой к *bleuen* (и скорее находится в связи с *Bleuel* и *Pleuelstange*): “Для дифтонга [ou] пишется *äu* вместо *eu*, если имеется основная форма с *au* – *verbläuen* (из *blau*)”.

Теперь преподаватели вынуждены, используя реформированные учебники, вбивать псевдонаучный вздор в головы любознательной мо-

лодежи. Компетентный немецкий преподаватель стал бы только приводить сравнения с народной этимологией, являющейся интересным фактом как таковым, объясняя научно обоснованные понятия, но жертвовать правдой в угоду некорректному, а то и ложному толкованию слов и их написания все равно, что требовать от преподавателя биологии объяснения, к какому виду рыб принадлежат серебристые рыбки, которых узнают по их названию.

Слова *Gämse* и *belämmert* пишут последнее время в школах разных федеральных земель чаще, чем в течение 100 предшествующих лет, потому что раньше в них не было особой необходимости для всех поголовно, а теперь надо тренировать новое правописание. В немецких учебных учреждениях господствует, можно сказать, чрезвычайное педагогическое положение. То, что реформаторы хотят переучить писать *Zierrat* вместо *Zierat* только потому, что пишется второй элемент *-rat* в *Unrat*, *Vorrat*, можно смириться, так как кто в своей жизни писал такое слово, не говоря уже о том, задумывался ли о его структуре? Почему, однако, тот, кто не видит слово *Rat* в данном композите, должен писать это слово по принципу народной этимологии? *Zierat* является в действительности производным от *Zier*, как *Heimat* от *Heim*. Впрочем, множественное число непривычно выпадает из правил образования множественного числа *Zierrat*, тогда нужно было бы уж заменять его вообще на одинаково звучащие и пишущиеся *Zierräte* (как *Vorräte*). Возникает интересный вопрос: Что будут делать в будущем профессора германистики, проверяя письменные работы, если их студенты ошибочно напишут это слово правильно? Если при написании *bleuen* следует его соотносить с *blau*, то с чем ученику или студенту соотносить *weismachen*, если он напишет *weismachen* с *ß*? Он больше не сумеет выделить составную часть *weise* в *weismachen* со значением ‘erklären’, ‘aufhellen’.

Заставляя нас думать при написании слова ‘стебель’ *Stengel* о ‘жерди’ *Stange*, при ‘быстро’ *behende* о ‘руке’ *Hand*, новая реформа подразумевает, что мы не в состоянии правильно разделить *vollenden* на *voll* и *Ende* и заставляют делить его на *vol-lenden* (§ 112).

В связи с ориентацией на корневое написанием следует сказать и об онемечивании иностранных слов по новой орфографии. Обратимся к примерам: *placieren* и *deplacieren* являются уже полу-онемеченной формой и давно употребительны в форме *plazieren* и *deplazieren*. Новое правописание “онемечивает” его дальше, кладя

в основу *Platz* и “облегчая” его написание, добавив еще *t*: *platzieren*, *deplatzieren*. Вследствии такого “онемечивания” слова в новом правописании приобретают еще более иностранный вид, чем раньше. Так, *Plattitüde* в новом написании (с *tt*) проигрывает, так как оно раньше стояло в одном ряду с *Etüde*, *Attitüde* и т.д., где собственно и не ожидается немецкий корень. *Stukkateur* (из французского языка от итальянского *stuccatore*) должно писаться по-новому – *Stuckateur*, благодаря *Stuck* ‘штукатурка’. *Makkaroni* ‘макароны’ сохраняются, в то время как *Spaghetti* должны теперь писаться без *h*, не как в других языках. А орфографически трудный *f* в *Stafette* сохраняется, несмотря на то, что слово соотносится с *Staffel(lauf)* не только семантически, но и действительно родственно с ним, и написание *Staffette* было бы оправданным.

Тексты в новом написании отражают не то, что имелось в виду. В предложении: *Man soll auch im Geringsten seinen Nächsten sehen* в новом написании *im Geringsten* с большой буквы имеет совсем другое значение, чем писавшееся до сих пор с маленькой буквы *im geringsten* со значением *gar nicht*. Смыслом предложения было высказывание о ближнем *Nächsten*, а не о *Nicht im Geringsten*, т.е. речь не шла о “von einem sehr Geringen”. То же касается и к *im Stande sein* (in welchem “Stande?”), *auf Seiten der Regierung* (welchen “Seiten” denn?). Давно утратившие свое прямое значение лексические единицы типа *im geringste*, *des öfteren*, *auf seiten*, *recht haben*, *recht geben*, *schuld haben*, *schuld geben* и т.д. нельзя в современной языковой ситуации возвращать к исторически исходному правописанию, как это сделано в новом написании, ибо в действительности в них не идет речь ни о праве, ни о долгах и т.п. Тексты в новом правописании не только трудно читаются, но и воспринимаются не вполне адекватно их содержанию.

Странным образом обошлось новое правописание и с написанием времен дня. На вопрос “Когда он прибывает?” отвечали по старому правописанию: *heute morgen*; *morgen früh*; *Dienstag aben*, а по новому правописанию: *heute Morgen*; *morgen früh*; *Dienstagabend*. Прогресс здесь едва можно увидеть, хотя издатель нового орфографического словаря Бертельсман восторгается: “В сравнении с прежним написанием теперь господствует ясность”. И это несмотря на то, что Петер Галлманн много раньше научно доказал, что в примере *heute abend abend* не может быть существительным. Если *abend* не может идентифицироваться с созвучным именем существительным *Abend*, то

нельзя трактовать в *früh* также *früh* с созвучным прилагательным и бороться с новой нерегулярностью. Новое правописание различает, с одной стороны, *der Dienstagabend* и т.д., как время суток и обозначения одноразовых сроков *heute abend*, *Dienstag abend* (как ответ на вопрос “Когда?”), с другой стороны. Но, даже если проводить это различие, нужно было бы одинаково обращаться с параллельными конструкциями, т.е.: если имеется *heute abend*, должен иметься и *Dienstag abend*; если имеется, *heute Abend*, должен иметься и *Dienstag Abend*, потому что *heute u Dienstag* принадлежат как обозначение повторяющегося временного отрезка к одной категории (*Er kommt heute. Er kommt Dienstag.*). Очевидно, что должен иметься наряду с этим и *Dienstagabend* как наименование повременного периода. *Früh* употребляется там, где оно не является вариантом к *morgen*, (*heute früh = heute morgen*, (вместо *morgen*), чтобы избежать тавтологии *morgen morgen*: *gestern morgen*, *heute morgen*, но *morgen früh* (вместо *morgen morgen*). Реформированное правописание настаивает на написании *das neue Jahr* с маленькой буквы, хотя весь мир пишет его с большой буквы. Языковая общность едва ли последует этому, так как для нее очевидны различия между ‘следующим годом’ *das nächste Jahr* и ‘Новым годом’ *das Neue Jahr*, который отмечается, как и *der Erste Mai* или *Weihnachten*, каждый год и является, тем не менее, чем-то неповторимым.

Новое немецкое правописание предлагает также писать каждому, как он считает сам правильным, т.е. как он хочет. Но может ли каждый взрослый гражданин писать далее, как он хочет? То, что каждый вправе писать вне школы и учреждений, органов власти, как он хочет, формально одно, но в действительности, однако, несмотря на то, что такое предложение называется либерализацией и хорошо звучит, представляется чем-то авантюрным. В школах детей учат письму, и пристойным является писать, как учили в школе. Считать тех, кто не придерживается нового правописания, пишущими не с ошибками, а “традиционно”, – это плохая шутка. Можно попытаться “традиционно” написать заявление о приеме на работу или учебу, но как будет воспринят такой документ – как традиционный или неграмотный?

Хорст Теодор Мунк оценивает такое положение реалистично: “Министр по делам образования и религии объявляет новое правописание обязательным только для школ и органов власти. Но ведь это коснется всех немецких школ в немецкоязычных странах и за рубежом, всех ин-

ституты, учреждений, статей закона, всей письменной коммуникации между органами власти с гражданами. Успокаивающее заявление, что каждый может писать, как хочет, является обоюдоострым аргументом, т. к. не исключает возможности сознательного отказа газетных и книжных издательств от реформы, что разрушит единство немецкой орфографии” (Ch. Th. Munk).

В пунктуации изменений мало, но и они не вполне осмыслены: по правилам новой орфографии допускаться либеральное использование запятой, другими словами: пишущему предоставляется право ставить запятую там, где он хочет. Ученики, естественно, вообще не стали ставить запятых, что, как думают педагоги, может отразиться на способности мыслить.

Общество противится бессмысленной реформе правописания и, несмотря на отклонение многочисленных жалоб федеральными органами, немецкоязычное общество вынесло свой вердикт: новое немецкое правописание не соответствует требованиям высокоразвитой письменной культуры.

Сколько стоит реформа нового немецкого правописания?

Реформа характеризовалась как “нейтральная по издержкам”, так как она предусматривала длительный срок для перехода школ, издательств на новое правописание в рамках нормальной замены основных фондов. Дитер Циммерман в 1996 году заявлял, что благодаря предусмотренной постепенности внедрения реформы правописания до 2005 г. она почти ничего не будет стоить. Летом 1997 г. директор союза школьных книжных издательств сообщил в прессе: “Если подсчитать, что уже израсходовано, то речь уже сейчас идет о миллиардах инвестиций”.

Ведущий сторонник реформы правописания немецкого языка Дитер Нериус резонно считает, что предстоит “отслеживать почти 100 лет после установления унифицированной немецкой орфографии, соответствует ли эта норма в полном объеме функциям и требованиям современной письменной коммуникации”.

Хотя реформу объявили “щадящей”, в действительности она не “щадящая”, в лучшем случае ее можно назвать непоследовательной и нерешительной (если проводить реформу, то только радикально с учетом международной необходимости (глобальные интернеттехнологии), а не переставлять слагаемые местами и нести материальные и моральные убытки в масштабе нации.

Неудавшаяся новая немецкая реформа правописания должна, однако, привлечь к себе внимание хотя бы из-за ее уже невероятных издержек, из-за ее чрезвычайного, ранее никак не учитывавшегося воздействия на статус среды других языков.

Из-за очевидной ошибочности реформу осудили 600 профессоров-лингвистов, продемонстрировав в заявлении в апреле-мае 1998 года свое сопротивление; они назвали Новую немецкую орфографию трагедией, за которую языковая общность должна будет долго расплачиваться.

Выдвигались и выдвигаются требования не только отдельных граждан, ученых, учреждений и организаций немецкоязычных стран, но и двух экономически ведущих федеральных земель ФРГ, остановить новую реформу правописания, сохранить неоправданные огромные инвестиции в неудавшуюся абсурдную реформу. Автор данной статьи считает, что идти дальше по пути, предлагаемому настоящей реформой немецкого правописания, нельзя, что пути решения проблем правописания современного немецкого языка должны быть кардинально другими, что реформаторские изменения должны, не игнорируя немецкий национальный опыт письменной коммуникации, учесть практику других германских языков, национальные и международные требования к современной письменной коммуникации и провести настоящую, а не “так называемую” реформу правописания современного немецкого языка.

Рецензент – И.А. Меркулова

ЛИТЕРАТУРА

1. Amtsblatt des Bayerischen Staatsministeriums für Unterricht, Kultus, Wissenschaft und Kunst. Teil I, Sondernummer 1: Regelwerk zur deutschen Rechtschreibung. München 31.7.1996.
2. Antworten an Gegner und Kritiker der Rechtschreibreform. - Aachen: Shaker.
3. Äugst, G. et al. (Hg.). Zur Neuregelung der deutschen Orthographie. Begründung und Kritik. Tübingen, 1997 (RGL 179).
4. Augst, G./ Schaefer B. Stellungnahme: “Rechtschreibreform auf dem Prüfstand”. 1997 a.
5. Äugst, G./Schaefer, B. Die Architektur des amtlichen Regelwerks Deutsche Rechtschreibung//Äugst, G. et al. (Hg.). Zur Neuregelung der deutschen Orthographie. Begründung und Kritik. Tübingen, 1997 (RGL 179).

6. Äugst, G./Stock, E. Laut-Buchstaben-Zuordnung// Äugst et al. (Hg.). Zur Neuregelung der deutschen Orthographie. Begründung und Kritik. Tübingen, 1997 (RGL 179).
7. Äugst, G. Stellungnahme: Rechtschreibreform auf dem Pruefstand//Institut fuer Schulpaedagoik und Bildungsforschung. Muenchen, 1996.
8. Äugst, G./Schaeder, B. Rechtschreibreform - eine Antwort an die Kritiker. Stuttgart, 1997.
9. Augst, Gerhard et al. Rechtschreibwörterbücher im Test. Tübingen, 1997.
10. Äugst, G./Dehn, M. Rechtschreibung und Rechtschreibunterricht. Stuttgart, 1998.
11. Beck, U. Risikogesellschaft. Auf dem Weg in eine andere Modeme. 1986
12. Becker-Mrotzek, M. Schüler erzählen aus ihrer Schulzeit. Eine diskurs-analytische Untersuchung über das Institutionswissen. Frankfurt/M., 1989.
13. Bertelsmann. Die neue deutsche Rechtschreibung. Verfaßt von Ursula Hermann, völlig neu bearb. u. erw. von Prof. Dr. Lutz G ritze. Mit einem Geleitwort von Dr. Klaus l Teller. Gütersloh, 1996.
14. Baurmann, J. „Geschriebene spräche und Orthographie. Bericht über eine fachtagung zur neuregelung der deutschen rechtschreibung". Mitteilungen des Deutschen Germanistenverbandes 1989, H. 3, 3-7.
15. Berteismann Die neue deutsche Rechtshreibung. Verfaßt von Ursula Hermann, völlig neu bearb. u. erw. von Prof. Dr. Lutz Götze. Mit einem Geleitwort von Dr. Klaus Heller. Gütersloh, 1996.
16. Brenneisen, W. Rächt-Schraip Rephorm mit Zeichnungen von Klaus Puth. München, 2004.
17. Bunting, K. Deutsches Wörterbuch. (Vertrieb: u.a., Aldi), 1996.
18. Bohrens, U. Wenn nicht alle Leichen trügen. Interpunktion als Markierung syntaktischer Konstruktionen. -Frankfurt, 1989.
19. Clemens, K. Neuregelung der deutschen Rechtschreibung in der öffentlichen Diskussion - eine Randbemerkung // "Rechtstheorie", 1997 28.
20. Deutsche Rechtschreibung. Regeln und Wörterverzeichnis. Text der amtlichen Regelung. – Tübingen, 1996.
21. Deutsche Rechtschreibung. Regeln und Wörterverzeichnis. Text der amtlichen Regelung. Tübingen, 1996.
22. Die Rechtschreibung und ihre Neuregelung. Hg. von der Kommission für Rechtschreibfragen des Instituts für deutsche Sprache. Mannheim. Düsseldorf, 1985.
23. Drach, E. Grundgedanken der deutschen Satzlehre. 3. Aufl. Frankfurt. (Nachdruck Darmstadt 1993).
24. Drewitz, I./Reuter, E. (Hg.). vernünftiger schreiben, reform der rechtschreibung. Frankfurt, 1974.
25. Duden. Informationen zur neuen deutschen Rechtschreibung u. a. 1996.
26. Duden . Praxis Wörterbuch zur neuen Rechtschreibung. Leipzig, 1998.
27. Düekert, J./Kempcke, G. (Hg.). Wörterbuch der Sprachschwierigkeiten. Leipzig, 1984.
28. Eckler, T. Woran scheidert die Rechtschreibreform? - Wissenschaft 1997, 22.
29. Eroms, H.-W./Munske, H. H. (Hg.). Die Reform – Pro und contra. Wien, 1997.
30. Focus = Focus Archiv. Focus-Magazin 1996 -2005. Im Internet unter:
31. <http://focus.msn.de/F/FC/fc.htm> (Stand: Juli 2005).
32. <http://www.bdzv.de/pressem/marktdaten/index.htm> (Stand: September 2004).
33. Gallmann, P./Sitta, H. Handbuch Rechtschreibreform. Zürich, 1996.
34. Gallmann, P./Sitta, H. Die Neuregelung der deutschen Rechtschreibung. Mannheim (Duden Taschenbuch 26), 1996.
35. Harscher, G. von. Rechtschreibreform! So nicht. Hamburg, 2005.
36. Hermann, U. Die neue deutsche Rechtschreibung, voellig neu bearbeitet und erweitert von Prof.Dr.Lutz Goetze und mit einem Geleitwort von Dr. K.Heller. Guetersloh, 1996.
37. Ickler, T. Regelungsgewalt : Hintergründe der Rechtschreibreform // Theodor Ickler. 2. erw. Aufl. St. Goar, 2002.
38. Iekler, Theodor. Stimmen zur Rechtschreibreform. St. Goar, 2005.
39. Internationaler Arbeitskreis für Orthographie (Hg.). Deutsche Rechtschreibung. Vorschläge zu ihrer Neuregelung. Tübingen, 1992.
40. Internationaler Arbeitskreis für Orthographie (Hg.). Deutsche Rechtschreibung. Regeln und Wörterverzeichnis. Vorlage für die amtliche Regelung. Tübingen, 1995.
41. Internet – Medien : [www. heute. de](http://www.heute.de).
42. Kopke, W. Die verfassungswidrige Rechtschreibreform.- Neue Juristische Wochenschrift. 1996, 49. Jg., H. 17.
43. Küppers, H.-G. Orthographiereform und Öffentlichkeit.- Düsseldorf, 1984.
44. Kranz, F. Eine Schiffahrt mit drei f: Positives zur Rechtschreibreform.
45. Göttingen, 1998.
46. Krieger, H. Der Rechtschreib-Schwindel : Zwischenrufe zu einem absurden Reformtheater. Beiträge zur aktuellen Entwicklung. St. Goar, 2004.
47. Lüthgens, S. Rechtschreibreform und Schule : die Reformen der deutschen Rechtschreibung aus der Sicht von Lehrerinnen und

Lehrern. Frankfurt/ M. , Berlin, Bern, Bruxelles, New York, Oxford, Wien, 2002.

48. Mentrup, W. Die Regeln der deutschen Rechtschreibung. Mannheim, 1968 (Duden Taschenbuch 3).

49. Mentrup, W. Wo liegt eigentlich der Fehler? Zur Rechtschreibreform und zu ihren Hintergründen. Stuttgart, 1993.

50. Munske, H. H. Läßt sich die Trennung von ck am Zeilenende reformieren? - Sprachwissenschaft, 1992, 17.

51. Munske, H. H. Läßt sich die deutsche Orthographie überhaupt reformieren?// Sprachgeschichte und Sprachkritik. Festschrift für Peter von Polenz zum 65. Geburtstag. Berlin, New York, 1993.

52. Munske, H. H. Zur Verteidigung der deutschen Orthographie: die Groß- und Kleinschreibung// Sprachwissenschaft, 1995, 20.

53. Munske, H. H. Über den Sinn der Groß- und Kleinschreibung - ein Alternativvorschlag zur Neuregelung// Ägüst et al. (Hg.). Zur Neuregelung der deutschen Orthographie. Begründung und Kritik. Tübingen, 1997 (RGL 179).

54. Munske, H. H. Orthographie als Sprachkultur. Frankfurt/M., 1997.

55. Nerijs, D. Jubiläumsausgabe. Berlin, 2000.

56. Neuregelung der deutschen Rechtschreibung heute: Beiträge zu ihrer Geschichte, Diskussion und Umsetzung, Herausgegeben von B.Schaeder. 2005.

57. Niederhauser, J. 111 Professoren von sechs Hochschulen. Die Berufung auf Wissenschaftler und wissenschaftliche Autorität in öffentlichen Diskussionen. Stuttgart, 2001.

58. OZ – Ostseezeitung, 1996 – 2005.

59. RB – Rostocker Blitz, 1996 – 2000.

60. Schaeder, B. Neuregelung der deutschen Rechtschreibung - Begründung, Kritik, Erwiderung (Erheblich veränderte und erweiterte Fassung (1) eines Vertrags auf der Jahrestagung 1996 der Gesellschaft für Angewandte Linguistik; (2) eines Vertrags auf der Jahresversammlung des Bundesverbandes der Fachlehrer am 28.02.1997 in Königswinter, erschienen in: Büro Wirtschaft im Unterricht 3/1997, 12-18).

61. Schaeder, B. Neuregelung der deutschen Rechtschreibung -eine Chance für den Rechtschreibunterricht (Überarbeitete und erweiterte Fassung eines Vertrags an der Integrierten Gesamtschule Mainz, am 03.06.1996, erschienen in: Werner Nell (Hg.): Lemkultur-Wandel. Dokumentation einer Veranstaltungsreihe aus Anlaß des 10jährigen Bestehens der Integrierten Gesamtschule Mainz. Mainz 1998).

62. Schaeder, B. Neuregelung der deutschen Rechtschreibung. Chronik der laufenden Ereignisse

(Stand März 1999). In: Schaeder, B. (Hg.) (1999): Neuregelung der deutschen Rechtschreibung. Beiträge zu ihrer Geschichte, Diskussion und Umsetzung. Frankfurt/M., 1999.

63. Der Spiegel, 1996 -2005.

64. Sprachreport. Extraausgabe Juli 1996. Herausgegeben vom Institut für deutsche Sprache Mannheim.

65. Sprachreport: Rechtschreibreform. Eine Zusammenfassung von Dr. Klaus Heller// Sprachreport. Informationen und Meinungen zur deutschen Sprache. Extra-Ausgabe Januar 1996, 1996a, Extra-Ausgabe Juni 2005.

66. SZ Süddeutsche Zeitung, 1996 – 2005.

67. Stenschke, Oliver. Wissenstransfer und Emotion im Diskurs über die Rechtschreibreform// Niederhauser, J. 111 Professoren von sechs Hochschulen. Die Berufung auf Wissenschaftler und wissenschaftliche Autorität in öffentlichen Diskussionen. Stuttgart, 2001.

68. Strunk, H. Stuttgarter und Wiesbadener Empfehlungen. Entstehungsgeschichte und politisch-institutionelle Innenansichten gescheiterter Rechtschreibreformversuche von 195C-1965. Frankfurt, 1992.

69. Weingarten, R. Orthographisch-grammatisches Wissen// Niederhauser, J. 111 Professoren von sechs Hochschulen. Die Berufung auf Wissenschaftler und wissenschaftliche Autorität in öffentlichen Diskussionen. Stuttgart, 2001.

70. Zabel, H. Die 3. Wiener Gespräche zur Neuregelung der deutschen Rechtschreibung im Spiegel der Presse// Muttersprache, 1995, 105, 119-140.

71. Zabel, H. Keine Wüteriche am Werk. Berichte und Dokumente zur Neuregelung der deutschen Rechtschreibung. Hagen, 1996.

72. Zabel, H. Der internationale Arbeitskreis für Orthographie// Ägüst et al. (Hg.). Zur Neuregelung der deutschen Orthographie. Begründung und Kritik. Tübingen, 1997 (RGL 179).

73. Zur Neuregelung der deutschen Rechtschreibung. Hg. von der Kommission für Rechtschreibfragen des Instituts für deutsche Sprache, Mannheim, Düsseldorf, 1989 (Sprache der Gegenwart; 77).